
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ

DOI 10.24411/1813-145X-2018-10255

УДК 008.001

М. В. Новиков

<https://orcid.org/0000-0002-2013-1919>

Т. Б. Перфилова

<https://orcid.org/0000-0002-2498-8688>

Методологические подходы Ф. И. Буслаева к изучению мифологического сознания

Работа выполнена по государственному заданию Министерства науки и высшего образования РФ, проект 33.7591.2017/8.9

В статье подчеркивается новаторство Ф. И. Буслаева в создании отечественных культурно-антропологических исследований. Изучение сущности и эманаций мифологического сознания являлось исходным принципом предложенной им реконструкции картины мира архаических и древних народов. Выработывая алгоритм своей когнитивной деятельности, Буслаев руководствовался достижениями философской антропологии первой половины XIX в.: акцентировал «согласие образа мышления и верований» представителей одной языковой семьи на заре ее существования. Общность языкового мировидения формировала, по его убеждениям, единую систему представлений индоевропейских племен, эксплицированных в унифицированную мифологию. Стремление понять истоки мифологического творчества «братских» народов инициировало интенцию ученого изучать наидревнейшие слои праязыка индоевропейцев, изоморфные, по его убеждениям, глубинным пластам коллективного сознания и самым ранним мифам. Для восстановления недостающих звеньев первоначальной картины мира генетически близких первобытных народов Европы, прежде всего славян, Буслаев использовал записанный в Средневековье германо-скандинавский эпос. Он проецировал мифологию и эпос германских племен на всю «варварскую» Европу, находя в германском образе мира архетипические представления о природном и социальном Универсуме, общие всем индоевропейцам. Фокусируя внимание на типичном, повторяющемся, едином, он элиминировал географические, исторические, этнопсихологические параметры, обуславливавшие уникальность мифологической традиции отдельных индоевропейских народов. Только во второй половине XIX в. Буслаев стал отстаивать идею паритетности общего и особенного в мифологическом сознании индоевропейцев. Ему удалось выявить факторы, детерминировавшие проявления духовного своеобразия «национальных преданий»: воздействие среды обитания на разрушение некогда единой картины мира; историзация мифа; отсутствие возможности письменной фиксации мифологического наследия предков.

В статье прослеживается влияние разработанных Буслаевым методологических подходов к изучению мифологического сознания на производство современного культурно-исторического знания и одновременно выявляются объективные причины появления заблуждений и ошибок ученого.

Ключевые слова: мифологическое сознание, картина мира, индоевропейцы, первобытные народы Европы, реконструкция религиозно-мифологических представлений, германо-скандинавский эпос, универсальное и уникальное в процессе мифотворчества, среда обитания, историзация мифа, интерпретация мифа, устная форма передачи мифа.

THEORETICAL ASPECTS TO STUDY CULTURAL PROCESSES

M. V. Novikov, T. B. Perfilova

F. I. Buslaev's Methodological Approaches to Study Mythological Consciousness

In the article F. I. Buslaev's innovation in creation of domestic cultural and anthropological researches is emphasized. Study of the entity and emanations of mythological consciousness was the initial principle in reconstruction of the picture of the world of the archaic and ancient people offered by him. Developing an algorithm of his cognitive activity, Buslaev was guided by achievements of philosophical anthropology of the first half of the XIX-th century: accented «the consent of mentality and beliefs» of representatives of one language family at the beginning of its existence. The community of the language world perception formed, due to his beliefs, a single system of representations of the Indo-European tribes explicated in the unified mythology. The aspiration to understand

sources of mythological creativity of the «brotherly» people initiated the scientist's intension to study the most ancient layers of the parent language of Indo-Europeans, isomorphic, due to his beliefs, deep layers of collective consciousness and the earliest myths. To restore missing links of the initial picture of the world of genetically close primitive peoples of Europe, first of all Slavs, Buslaev used the German-Scandinavian epos written in the Middle Ages. He projected mythology and the epos of the German tribes to all «barbaric» Europe, finding in the German image of the world archetypic ideas on the natural and social Universum, common to all Indo-Europeans. Focusing attention on typical, repeating, uniform, he eliminated geographical, historical, ethnopsychological parameters causing uniqueness of the mythological tradition of some Indo-European peoples. Only in the second half of the XIX-th century Buslaev began to uphold the idea on parity of general and special in Indo-Europeans' mythological consciousness. He managed to reveal the factors determining manifestations of spiritual originality of «national legends»: impact of the habitat on destruction of once uniform picture of the world; myth historization; lack of a possibility of written fixing of ancestors' mythological heritage.

In the article is traced influence of methodological approaches, developed by Buslaev, to study mythological consciousness on production of modern cultural and historical knowledge and at the same time are revealed objective reasons of emergence of scientists' delusions and mistakes.

Keywords: mythological consciousness, a picture of the world, Indo-Europeans, primitive people of Europe, reconstruction of religious mythological ideas, German-Scandinavian epos, universal and unique in the course of formation of myths, habitat, myth historization, interpretation of the myth, the oral form of reproducing the myth.

Продолжая изучение вклада Ф. И. Буслаева в развитие концепции мифа и мифотворчества, начатую в наших предыдущих публикациях [24], мы обращаемся в данной статье к рассмотрению методологических подходов, выработанных ученым в процессе изучения индоевропейской мифологии и древнейшего литературного наследия. В творчестве Ф. И. Буслаева этим вопросам уделяется самое пристальное внимание, так как выработанный им формат, или «рама», исследования соответствовал уже сложившимся научным традициям, предполагавшим внесение ясности и конкретности в предмет познавательной деятельности, а также опору на доказательные и аргументированные методы.

«Неизменные свойства души человеческой» дают Ф. И. Буслаеву основания утверждать наличие «общечеловеческого родства между преданиями различных народов»: в них отразились общие всем народам земли «одинаковые законы логики», сходство чувствований и верований всех племен на изначальном – первобытном – этапе их развития [7, с. 252]. В настоящее время этот вывод ученого, напрямую связанный с достижениями философской антропологии первой половины XIX в., считается научно доказанным. Так, в монографии известных востоковедов индолога Г. М. Бонгард-Левина и ираниста Э. А. Грантовского читаем: «Мифологические системы древности развивались во многом по общим закономерностям, свойственным человеческому мышлению на определенных этапах общественного сознания» [1, с. 52].

Не менее очевидным для Ф. И. Буслаева было и «племенное родство преданий... состоящее в связи с родством языков»: это, по его мнению, служило гарантией «согласия образа мышления и верований» представителей одной языковой семьи. «Потому-то и неудивительно, – замечал он, – что народы индоевропейские, родственные по

своим языкам, являют значительное сходство и в своих преданиях» [7, с. 252, 253], а древнейшие по времени создания мифы составляют единую ответственность всех индоевропейцев [12, с. 310].

Индоевропейцы «в эпоху незапамятную» составляли «одно родственное племя», жившее «по северной стороне Гималаев», сообщал Ф. И. Буслаев. Напомним, что он считал «праотцами» индоевропейцев ариев и локализовал район их обитания на севере Индостана. Однако вопрос о прародине ариев до сих пор не ясен специалистам. Из их прародины исключают полярные и примыкающие к ним области, жаркие районы Средиземноморья и Южной Азии. Прародину ариев помещают в самых различных областях – от низовьев Дуная и Средней Европы до Алтая и границ Индии. Особенно популярна в науке теория среднеазиатского происхождения ариев: здесь и создавались их цивилизации, духовная культура, эпос. Индия и Иран исключаются из районов прародины ариев.

Арии принадлежали к индоевропейским племенам, но эпоха индоевропейской общности относится к глубочайшей древности, поэтому ни данные сравнительной лингвистики, ни сведения археологов не позволяют точно решить, где располагалась первоначальная родина индоевропейцев. Ее ищут в Северной и Центральной Европе, на Балканах, в Северном Причерноморье, в южнорусских степях, в Казахстане и Средней Азии.

Споры в науке идут и о том, когда и на каких территориях происходило формирование выделенных из индоевропейской общности народов [1, с. 13, 14, 165].

В справочных и учебных изданиях дается, хотя и упрощенная, но все же лишенная научного сомнения информация. Территориями, откуда началось перемещение индоевропейских племен в IV-III тысячелетиях до н. э., называются южно-

русские степи, юго-восточная Европа, северо-восточная Передняя Азия, земли между Вислой и Дунаем, районы к северу от Черного моря. Во II–I тысячелетиях до н. э. происходит интенсивное перемещение индоевропейцев в двух направлениях: по Европейскому материка, а через Кавказ и Центральную Азию – на восток, вплоть до Индостана [15, с. 127; 23, с. 527].

В индоевропейской языковой семье Ф. И. Буслаев выделил основные группы племен: индийцы и персы; греки и римляне; кельты; германцы, литовцы и славяне. Покинув свою единую прародину, эти народы, первоначально имевшие «общие основы народности – язык и мифологию» [3, с. 355, 356], начали осваивать новые для себя пространства Западной Европы. Раньше других, считал Ф. И. Буслаев, опираясь на современные ему сведения из лингвистики и исторической географии, от «общего всем, родственного индоевропейского целого», отделились кельты, занявшие крайний запад Старого Света; за ними последовали славяне и немцы, постепенно разделившиеся на самостоятельные народности, которые заняли среднюю часть Европы. Греки и римляне, которые, по ошибочным представлениям Ф. И. Буслаева, происходили от пелазгов, дольше других составляли одно целое с древними индийцами и персами (иранцами), пока не захватили юго-восток Европы [6, с. 110].

Все эти народы находились в «братственном отношении между собой», подчеркивал ученый, и их родство проявлялось не только в древнейших формах языка (склонениях, неправильных спряжениях, местоимениях, числительных) и в общем словарном запасе (одинаковых названиях предметов материальной культуры, флоры, фауны, членов семьи по родственному статусу), но и в схожих представлениях, идеях, «мифологических верованиях» [6, с. 111; 7, с. 253]. Это и служило надежным основанием, утверждал Ф. И. Буслаев, через языковое мировидение индоевропейцев постигать их картину мира, созданную мифологическим мышлением.

Факт близкого родства индоевропейских языков засвидетельствован в ходе лингвистических и сравнительных историко-филологических исследований на огромных территориях: от Ирландии до Индии. Собранные сведения позволяют характеризовать конкретные черты материальной и духовной культуры, хозяйственного облика, быта, социального строя индоевропейцев, в какой-то мере воссоздать растительный и животный мир, климатические условия, ландшафт областей их проживания, расположить в хронологической по-

следовательности многие из этих реалий и представлений. Таким образом, современная наука подтвердила «беспорные системные связи внутри индоевропейской [языковой. – М. Н., Т. П.] семьи» [1, с. 13, 163, 170].

Чем больше в языке сохранилось «первоначальных особенностей», тем ближе он находился к санскриту – праязыку индоевропейцев, полагал Ф. И. Буслаев, следовательно, чем медленнее народ развивался в исторической перспективе, тем значительнее его язык сохранил следы общего индоевропейского мифологического предания, рассуждал он. Самые ранние слои мифологии индоевропейцев он принимал за отправную точку исследований наиболее древних, глубинных пластов коллективного сознания «братских» народов, от которых ему нетрудно было отделить мифологию древних греков, в максимальной степени, по его убеждениям, отпочковавшуюся от «индоевропейских зачатков» и оттого не способную пролить свет на самую раннюю мифологическую традицию.

Главная трудность, которая возникла на его пути, связанном с реконструкцией первобытной картины мира индоевропейцев, заключалась в том, что народы, «менее богатые задатками исторического развития», а к их числу принадлежали славяне и литовцы, вынесли из своей прародины слишком «смутные представления... общего арийского начала», поэтому им не удалось выработать самостоятельную и завершённую мифологическую систему, наподобие эллинской [13, с. 216]. Все его попытки объединить разрозненные фрагменты мифологического предания «культурно отсталых» племен наталкивались на скудость и противоречивость информации. Чтобы найти выход из этой безнадежной ситуации, Ф. И. Буслаев решил при реконструкции религиозно-мифологических представлений данной группы индоевропейцев использовать мифологию древних германцев, применяя в качестве аргументов для подобных операций их генеалогическое родство со славяно-балтийской группой индоевропейцев и типологическую общность процессов культурно-исторического развития.

«Ближайшее родство» славян и литовцев с германскими племенами [6, с. 111], которое подтверждалось общими сказочными персонажами и сюжетами, а также повторявшимися в фольклоре «волшебными» предметами (шапка-невидимка, меч-кладенец, скатерть-самобранка), позволило Ф. И. Буслаеву восполнить недостаток мифологической информации самых «неразвитых» племен

индоевропейцев германскими космогоническими и теогоническими мифами [13, с. 216, 217].

Произведения «древнейшей словесности» германских племен: готов (в авторской транскрипции – «готфов»), англосаксов, скандинавов [6, с. 116] – называются Ф. И. Буслаевым «великим всеобъемлющим эпосом, равного которому по глубине мыслей и богатству содержания не могла представить даже сама Греция в поэмах Гомерических» [6, с. 116].

Эта и подобные ей фразы свидетельствуют о глубоком проникновении в научные рефлексии Ф. И. Буслаева идей и выводов Я. Гримма, который был одержим пафосом романтической идеализации родного прошлого Германии.

Идеализация всего национального, традиционного, восходившего к далекой «арийской эпохе», позволяла доказать древность, красоту и богатство немецкой национальной культуры.

Немецкая философия, история, языковедение подкрепляли националистические тенденции, доходившие, к примеру, до признания германских языков наиболее надежным и полным хранилищем общего индоевропейского наследства, в том числе и мифологической традиции, берущей начало в Ведах [26, с. 40-43; 27, с. 56, 64].

Ф. И. Буслаев, далекий от политики, возможно, и не замечал тенденциозности трудов своего главного ученого наставника, разделяя с ним искреннюю веру в особый статус германских племен и их народной словесности, выражавшей «национальный дух».

Все то, что выглядит отрывочным и несвязанным в славянских преданиях, «находит себе оправдание и настоящий смысл в полной системе национальных немецких сказаний», которые сохранились для потомков преимущественно в скандинавской «Эдде» [6, с. 145, 146], пояснял Ф. И. Буслаев свой замысел, предполагавший и соответствующую парадигму научной работы. «Особенные исторические и местные обстоятельства», в которых складывалась жизнь северных моряков на заснеженном острове Исландия, оторванном от культурно-исторических процессов материковой Европы, дали возможность немецким племенам сохранить свои традиции и предания «о первобытной религии, обычаях и нравах» в наиболее «свежем» виде, подчеркивал он [6, с. 116].

Итак, для восстановления недостающих звеньев в картине мира генетически близких первобытных народов Европы Ф. И. Буслаев обратился к записанному в Средневековье немецкому национальному эпосу. Подобный метод нельзя считать

неверным или страдающим анахронизмом, так как «традиционное мировосприятие» германских племен, славянских и балтийских народов не исчезло по причине создания научной периодизации европейской истории, четко обозначившей конец V в. хронологическим рубежом между эпохой Древнего мира и временем «мрачного» Средневековья.

На этот момент обратил внимание, в частности, и А. Я. Гуревич, приступивший к изучению мифологического типа мышления человека Средневековья на тех же материалах древнеисландской словесности [19], которые почти сто лет назад привлек для своих новаторских ученых опытов Ф. И. Буслаев. «На севере Европы, – отмечал выдающийся отечественный историк культуры XX в., – германские культурные традиции сохранились дольше и представлены в памятниках несравненно полнее, чем где бы то ни было. При всем своеобразии скандинавская культура этого периода [раннего Средневековья. – М. Н., Т. II.] в достаточной мере отражает важнейшие черты культуры варварского мира Европы в целом» [18, с. 36].

Аналогичная мысль содержится и в работе А. В. Подосинова: «К архаическим обществам обычно причисляют большое количество обществ вплоть до высокого Средневековья; при этом историческое время их существования не играет большой роли; многие элементы архаического сознания дожили и до наших дней» [25, с. 31].

Таким образом, А. Я. Гуревич, как в свое время и Ф. И. Буслаев, проецирует мифологию и эпос германских племен на всю «варварскую» Европу, находя в германской «модели мира» некие константы, коренные представления о природном и социальном Универсуме, которые были характерны для всех народов, стадияльно близких к «этнографическим», то есть реликтовым, обществам [18, с. 40], не миновавшим в своем развитии первобытного уклада жизни. Более детально вопросы хронологии литературных памятников «архаичной по своему строю и внутреннему содержанию» духовной культуры народов Северной Европы А. Я. Гуревич рассматривает в монографии «“Эдда” и сага» (1979). Взяв для изучения самые известные произведения героического эпоса германских племен (англосаксонскую поэму «Беовульф», немецкие «Песнь о Хильдебранде» и «Песнь о Нибелунгах», исландскую поэтическую «Старшую Эдду» и прозаическую «Младшую Эдду», норвежскую «Сагу о Вельсунгах» и некоторые другие героические песни и сказания), которые были впервые переведены и проанализирова-

ны Ф. И. Буслаевым, он попытался реконструировать их «исходное» содержание, выделяя, как и его именитый предшественник, из «спрессованных, слитых воедино... древним поэтическим сознанием» разных пластов отображенной в текстах культурно-исторической действительности самые архаичные срезы.

Автор отметил, что основная трудность изучения данных литературных произведений состояла в том, что их запись была произведена в X-XIII вв., то есть намного позднее возникновения и «полноценного бытования, которое приходится на эпоху Великих переселений народов (IV-VI вв.) и до эпохи викингов (IX-XI вв.)». Впоследствии героические песни и сказания подверглись «сознательному или невольному редактированию», воздействию христианской идеологии, но несмотря на эти факторы, архаические представления германцев не были изжиты и уничтожены, поэтому языческие корни скандинавской культуры продолжают «прощупываться и в текстах XIII в.» [19, с. 6-8, 31, 55, 89].

Хронологии германо-скандинавского эпоса посвящена также работа «“Эдда” и ранние формы эпоса» (1968) старшего современника А. Я. Гуревича доктора филологических наук Е. М. Мелетинского.

Он считает песни «Старшей Эдды» «одним из самых архаичных явлений западноевропейской культуры», которые имеют главным своим источником народное творчество, опираются на «устно-поэтическую традицию и ... в определенной степени фольклорны по эстетике и поэтике».

Объясняя архаичность «Эдды», исследователь охарактеризовал условия бытования эддической поэзии: «хранительницей» древнегерманской традиции стала Исландия, где «особенно упорно», вплоть до XII-XIII вв., сохранялись пережитки родового строя – их не смогла искоренить даже христианизация острова, происходившая на рубеже X-XI вв.

Создавшие «Эдду» скандинавы тоже задержались в своем историческом развитии, так как, в отличие от других германских племен, они не были втянуты в отношения с Римской империей и не принимали участия в Великих переселениях народов. Экспансия скандинавов в Исландию (IX-XI вв.) привела к распространению германского мифологического и героического эпоса на крайний север Европы, где, попав на плодотворную почву первобытного уклада жизни, он получил оптимальные условия для своего сохранения.

К «архаическим эпическим памятникам» Е. М. Мелетинский относит и «общегерманский

цикл о Нибелунгах», проникший в Норвегию в VI-VIII вв., и карело-финские руны, в частности «Калевалу». Их типологическую близость автор объясняет тем, что они сложились «до окончательной государственной консолидации» этих народов, поэтому в полной мере смогли удержать «мифическое мировоззрение», «близкие мифологические представления», которые соответствовали «идеологии родового строя» [22, с. 6-8, 17, 18, 188, 189, 196, 224, 234, 296, 328, 338, 340-344].

Ф. И. Буслаев первым в отечественной гуманитарной науке (имея, правда, в качестве образца исследования Я. Гримма) предложил аналогичный способ воссоздания картины мира архаических народов.

В 40-50-е гг. XIX в., когда он приступил к этому многотрудному делу, недостаточность материалов исследования заставляла его акцентировать внимание на общем, схожем, повторявшемся, едином в сознании всех индоевропейцев. Исторические, географические, этнопсихологические параметры, вносившие различия в мифологию отдельных племен индоевропейцев, не брались им в расчет.

Ситуация изменилась во второй половине XIX в., когда, все более убеждаясь в уникальности отдельных национальных преданий, ученый стал отстаивать идею паритетности общего и особенного в религиозно-мифологическом сознании индоевропейцев, а иногда даже отдавать предпочтение феноменальному, исключительному, единичному в духовном творчестве народов, принадлежавших к одной и той же родственно-племенной группе, не забывая о том, что нарушение баланса между типичным и уникальным удалит его от реализации намерения реконструировать картину мира всех архаических народов.

Для науки его времени более плодотворным и перспективным был такой подход к изучению традиционной культуры, который позволял проводить компаративные процедуры, опиравшиеся, в свою очередь, на взвешенные, комплексные, аналитико-интегративные приемы добывания неоспоримого знания.

На несбалансированность методов анализа и «строгости синтеза» обращали внимание некоторые рецензенты трудов Ф. И. Буслаева.

Так, А. Кирпичников, преклоняясь перед новаторством своего учителя в «научной разработке идеи народности в России» и даром «ясного, воодушевленного и изящного изложения» проблемы «мировоззрения народной массы», не мог не отметить, что стремление ученого к широким обобщениям и выводам порой кажется преждевремен-

ным, порождает споры, единственная польза от которых заключается в том, что они «возбуждают мысль читателя» [21, с. 402, 405, 406].

Более резкие оценки дают критики, лично не знакомые с Ф. И. Буслаевым.

Например, В. Водовозов в рецензии на «Исторические очерки русской народной словесности и искусства» выделил два существенных недостатка монографии: 1. Автор «Очерков» утомляет непривычного читателя «бесконечным разнообразием подробностей», сосредоточившись на изложении которых, он «постоянно удаляется от общих воззрений», или, погружившись в анализ фактов, не замечает, что они «загромождают» высказанную идею; 2. Борясь с формализмом поспешных неаргументированных обобщений, Ф. И. Буслаев сам нередко грешит малосодержательными общими формулировками, в частности, акцентируя сходство индоевропейских верований, он не упоминает о племенных различиях в мифологии [16, с. 59, 61, 62, 68, 75].

В одной из своих работ Ф. И. Буслаев сам определил наиболее грамотную методику изучения духовного наследия как народов, «наиболее способных к историческому прогрессу», так и тех, чья «скромная национальность... не так громко отозвалась в истории человечества» [6, с. 117]: она сводилась к исследованию двоякого рода элементов: «Во-первых, элементов, общих с прочими родственными народами, то есть первобытное, общее достояние индоевропейское в языке, народном быте и мифологии... Во-вторых, элементы особенные, исключительные, которыми каждый народ выделяется из общей родственной массы» [3, с. 356].

Когда он следовал этим императивам, в поле его зрения попадали многие факторы, детерминировавшие проявления духовного своеобразия индоевропейских племен и не игнорировавшие, вместе с тем, их «общее достояние» в виде архетипических компонентов культуры.

Наблюдавшиеся ученым различия в мифологической традиции индоевропейцев прежде всего порождались природно-климатической средой в местах проживания той или иной группы родственных народов.

К примеру, берега Дуная, по его мнению, стали древнейшей родиной юго-восточных и западных славян, выделившихся из общей массы индоевропейцев. Оттуда они двумя потоками предприняли экспансию на запад и северо-запад к Адриатическому и Балтийскому морям, а также на восток и северо-восток, дойдя до Новгорода. Их образ жизни, «не столь громкий, воинственный и побе-

доносный, как образ жизни племен немецких», но прежде всего сама местность – территории, занимавшиеся по Дунаю, были причиной того, считал Ф. И. Буслаев, что уже в самих воззрениях на природу «славяне издавна отличались от немцев более спокойным, мирным и светлым тоном» [6, с. 117, 118].

В стране, бедной «очертаниями природы, в степной и лесистой, где взор спокойно распространяется вдаль к склоняющимся на равнине краям горизонта, не останавливаясь ни на одном возвышении, сколько-нибудь поражающем воображение, в стране умеренной, не отличающейся ни поразительной силой зноя, ни быстрыми переходами от жары к холодам, из всех мифических преданий о стихийных божествах могли удержаться... только предания о реках», – объяснял Ф. И. Буслаев отсутствие в Древней Руси тех «побудительных причин», которые активизировали творческий процесс германских племен к созданию фантастических образов природы. Для великанов гор не нашлось на Руси приличной обстановки; ветры... проносясь по степям и лесистым равнинам, глухо терялись в однообразном пространстве, потому что им негде было остановиться, чтобы сгруппироваться в великанские образы; нет на Руси ни глубоких пещер, где бы они приютились, ни высоких гор, из-за которых они вырвались бы наружу» [10, с. 39].

Воздействие среды обитания на мифологическое сознание так же ярко демонстрирует и космогоническая мифология финнов, хотя они не принадлежали к индоевропейцам, пояснял он. «Громадные размеры далекого моря с гигантскими утесами, над которыми в виде дочери воздуха [Ильматар. – М. Н., Т. II.] носятся тучи, и от морских ветров зарождают в своей утробе творца миров [Вейнемейнена. – М. Н., Т. II.] – эти необъятные размеры эпической фантазии финнов, вызванные самой природой, – в эпосе славянском, тоже соответственно условиям природы и быта, сокращаются в умеренные формы рек с крутыми, красными берегами. Всемирный змей – Океан северной мифологии, охватывающий всю землю, в эпосе русском сжимается в мелкие черты змия речного... Морские утесы сменяются красными берегами, а само слово *Berg*, то есть гора, грамматически переходит в форму *брег* или *берег*» [10, с. 41].

В современной литературе, посвященной мифологии, даются и другое написание, и другая интерпретация функций богов карело-финского космогонического цикла. Буслаевская Ильматар – это культурный герой и демиург Ильмаринен [23,

с. 507]; Вейнемейнен – это культурный герой и демиург, обитатель первичного мирового океана Вайньямейнен [23, с. 258].

«Разветвление общего на частности», осуществившееся в «эпоху незапамятную» в географическом отношении, вызвало к жизни появление различий в языке и «разветвление в мифах», заключал Ф. И. Буслаев. Неповторяющиеся имена одного и того же божества даже у родственных народов явно свидетельствуют «о неодинаковости их во взглядах на природу. Пусть будут в сущности одно и то же – и греческий Зевс, и латинский Юпитер, и германский Тор, и наш Перун, – конкретизировал он свое наблюдение, – но самое это различие в названиях, происшедшее от различия точек зрения и вообще от различия в языках и в быте, дает уже национальную окраску общему понятию, лежащему в основе этих названий» [2, с. 253].

Географические особенности страны: земля, горы, моря и реки – «были неподвижными условиями исторического движения народной жизни». Они проявляли себя в столь же «неподвижных» языческих преданиях, не изменявшихся на протяжении веков обрядах и обычаях с мифическим содержанием в их основе [8, с. 440]. Эта статичность – тоже результат «разветвления общего на частности», когда частное «приурочивает общее к известной местности». Следовательно, утверждал ученый, расселение племен – это «факт высокой важности»: он отразился и на «различии историческом, бытовом» [2, с. 253], и, конечно, на мировоззренческом, внося коррективы в единую картину мира, сложившуюся на некогда общей для всех праиндоевропейцев прародине.

Вторая причина «подновления» и творческого переосмысления единого индоевропейского предания состояла в историзации мифа, во влиянии на его содержание «фактов исторических», а также различий «исторических, бытовых» [2, с. 253].

Так, «необыкновенная энергия немецкой национальности», которая проявлялась уже в доисторическую эпоху, позволила ей в процессе мифотворчества оставить далеко позади себя славянские народы: в то время как их мифология «закоснела» на «ранних зародышах... первобытной цивилизации», германские племена сумели создать свою «мифологическую систему», где общее индоевропейское духовное наследие стало только «одним из господствующих исторических моментов» этой системы священной немецкой старины [13, с. 217].

Когда народный эпос начинает слагаться преимущественно из исторических элементов, тогда

и вовсе исчезает общая всем индоевропейцам древнейшая мифологическая основа их преданий, и бросающиеся в глаза историкам культуры элементы сходства между французскими, испанскими и славянскими литературными произведениями уже свидетельствуют либо о простоте и грубости «ранней цивилизации Средневековых народов», либо о влиянии заимствованных «искусственными путями» обычаев, но никак не о первобытном единстве их первоначальных воззрений на мир, считал Ф. И. Буслаев [5, с. 321-323].

Третья причина утраты изначально единого мифологического наследия состояла, по соображениям ученого, в устной передаче словесного творчества предков.

В ходе своего развития каждое новое поколение может удержать в памяти только часть некогда великого и всеобъемлющего народного эпоса. По требованию «развивающихся поколений или вследствие различных исторических обстоятельств иногда целые обширные отделы древнейшей народной поэзии вместе с древнейшими поколениями вымирают, оставляя по себе только слабые следы» [11, с. 414]. В качестве примера исследователь называет «мифические катастрофы»: восстания титанов против олимпийских богов, гибель северных великанов, турсов и етунов, от молота Тора, истребление «светлых божеств северной мифологии» полчищами Сурта и «чудовищным отродьем злобного Локи». Проследив закономерности в развитии мифологических сюжетов подобного рода, Ф. И. Буслаев выделил два этапа «катастроф»: «низвержение великанов древней хаотической эпохи» и гибель новых богов; и тех, и других из народного сознания вытесняют «новейшие, исторические, перевороты» [2, с. 253].

Коллективная память, лишенная возможности письменной фиксации духовного наследия предков, демонстрировала свою избирательность и в отношении эпических героев, часть из которых уходила в небытие. Это обстоятельство дало ученому возможность выделить в истории эпической народной словесности ряд этапов: «Эпос теогонический сменяется героическим. Сначала тот и другой живут общей жизнью; но потом остается только героический, и этот последний, все более и более прерывая нити, связывающие его с народной мифологией, вступает на поприще исторического рассказа» [11, с. 414, 415].

Силой, «разлагавшей по частям» совокупное, собирательное творчество народной фантазии: «первобытное согласие языка, поэзии, всякой народной мудрости, мифологии, обычаев и обрядов», значительно более серьезных, нежели «ис-

торические и местные причины», Ф. И. Буслаев называл христианство [4, с. 548].

Итак, интерес Ф. И. Буслаева к объективным факторам, влиявшим на культурно-историческое развитие древнейших народов, был вызван его стремлением воспроизвести многомерную, объемную картину мира, созданную коллективным сознанием на заре человеческой истории. Предметом его научного интереса служили прежде всего индоевропейские племена, «более разработанные наукой по языку и мифологии» [2, с. 252]. Изучение их мифологического сознания в сравнительно-историческом ракурсе было связано с решением задачи «объяснения сродства и различий» при восприятии и осмыслении ими природного и социального Универсума, которые возникли вследствие «разветвления одного общего единства на национальные различия» [2, с. 252].

Ф. И. Буслаев видел новизну своих научных изысканий в реконструкции картины мира восточнославянских и древнебалтийских племен, прежде не являвшихся предметом специального исследовательского интереса в сравнительном языкознании и компаративной мифологии. «Юность и незрелость или, по крайней мере, свежесть умственных и нравственных сил» этих народов, которые нашли отражение в их народной поэзии, давали ему надежду на проникновение в природу «древнейшего, первобытного, мышления, остановившегося в формах языка» [4, с. 550]. Однако разрозненность и фрагментарность сохранившейся мифологической традиции славяно-балтийской группы индоевропейских племен вынуждали ученого обращаться к тем «округленным», то есть оформленным в сюжетах и образах, образцам высокохудожественного мифологического наследия, которые создали германско-скандинавские и греческий народы, заметно превосходившие другие «братские народы» по «врожденной» творческой одаренности.

Хотя Ф. И. Буслаев понимал, что смешивать «частную собственность какого-либо народа с общим достоянием всех прочих, ему родственных», нельзя, потому что только древнейшие формы языка и мифологии «некогда составляли у народов индоевропейских общее национальное достояние» [4, с. 547], ему нередко приходилось забывать о собственном предостережении не объединять мифологическое предание «соплеменных народностей». Искушение «сблизить мелкие подробности» мифологических систем, особенно у тех народов, которые «так близко связаны... историческими и местными условиями», как, например, славяне и немцы [13, с. 232], было порой

сильнее декларировавшихся методологических рекомендаций: к искусственному сближению разновременных и разноплеменных мифологических сюжетов его вынуждали либо «рамы» выдвигаемой концепции, либо состояние источниковой базы.

К примеру, в лекциях цесаревичу Ф. И. Буслаев обращался к «сказаниям немецких племен... для уразумения нашей собственной старины и преданий» [6, с. 146], а пересказ скандинавской «Эдды» постоянно прерывал комментариями литовской и сербской мифологий, если они «красноречивее и полнее восполняли те или иные детали сюжета... эпоса немецких племен» [6, с. 151, 154, 157, 158, 177-179].

«Путем критического исследования, – замечал ученый, – можно было бы в славянской поэзии найти множество подробностей, в которых краткими намеками сохранилось отрывочно то, что в эпосе немецком излагается в полной системе; но такое исследование составило бы слишком специальный отдел науки и, без сомнения, повело бы ко многим предположениям и догадкам» [6, с. 177].

Кроме того, стремясь продемонстрировать «и замечательное согласие в основных началах мифологии» всех индоевропейцев, и преломление «общего... достояния, видоизмененного по племенам и местности» [4, с. 547], а также «сообразно с историческим характером того или иного народа» [9, с. 541], Ф. И. Буслаев, как и его современники, сталкивался со множеством трудноразрешимых в то время проблем: сложностью датировки произведений фольклора, в которых происходило постоянное переплетение «позднейших явлений с первобытными свойствами национальности»; несовершенством методик отделения собственного достояния народа от инокультурных заимствований.

Наука XIX в., которая не могла и представить всей сложности процессов этногенеза, не знала о подвижности ареалов расселения первобытных племен, неизбежно приводивших к миграциям идей, художественных сюжетов и образов [28, с. 15-17], поэтому строила свои умозаключения на основе вовлечения в исследование новой массы материалов, встраивая их в уже существовавшие концепции. Этот путь был более приемлем и для Ф. И. Буслаева, который вводил в научный оборот новые и прежде неизвестные образованной публике мифологические сведения (из финской «Калевалы», этнографических материалов об аборигенах Старого и Нового Света) и, вместо их тщательного анализа, довольствовался диссеминацией привычных ему положений концепции мифо-

творчества, подкрепляя выводы свежей информацией.

В то же время Ф. И. Буслаев использовал самые передовые в годы его жизнетворчества методы синхронного и диахронного изучения картины мира архаических и древних народов, и это давало ему шанс выразить идею развития человечества и его духовного мира и одновременно доказать универсальность законов массовой психологии, в частности, малоподвижность глубинных пластов коллективного сознания, способных сохранять «общие всему человечеству воззрения на природу и жизнь» [9, с. 544].

Закладывая основания культурно-антропологических исследований в России, ученый использовал язык современной ему гуманитаристики. Тезаурусу науки времени жизни Ф. И. Буслаева не был знаком концепт «картина мира», но он подразумевался, прозревался в укреплявшемся интересе ученых к языковому мировидению народностей, знаково-символическим формам переживания и осознания мира. Поэтому мы прибегаем к применению несвойственных XIX в. смысловых единиц для актуализации научного наследия великого ученого, словно предвидевшего интерес своих последователей к истории ментальностей, тем более, что «картина мира» является центральным понятием истории ментальностей [17, с. 154]. Категория «ментальность» также была чужда междисциплинарному гуманитарному дискурсу XIX в., хотя имела прямые аналогии в содержательно близких, но не называвшихся тогда «ментальностью» понятиях «дух народа», «духовный мир» народности. Например, в работе «“Сравнение русских слов с санскритскими” А. С. Хомякова» ученый использовал два понятия: «духовная жизнь народа» и «дух народа», предлагая осуществлять их изучение средствами лингвистики: погружаться в этимологический разбор слов с тем, чтобы увидеть в слове «живой отголосок ощущений, воззрений и нравственных, умственных или религиозных убеждений народа» [14, с. 517].

Сложившийся в наши дни категориальный аппарат гуманитарных наук служит адекватным способом выражения сущности и значений этих понятий, без которых невозможно представить научные заслуги Ф. И. Буслаева: он впервые в России попытался заглянуть в систему представлений, ценностей, идей и образов, свойственных человеку отдаленных культурно-исторических эпох, и предложил доступные и понятные ему способы их изучения.

Адаптируя свои исследования к разным научным парадигмам производства знания, Ф. И. Буслаев прежде всего стремился дать детальное описание интересовавших его явлений, связанных с коллективными психологическими установками и их отражением в продуктах духовного творчества архаических и древних народов.

Приводившиеся им длинные рассказы, явно свидетельствовавшие о наличии у творцов замысловатых мифологических сюжетов специфического, отличного от современного, типа мышления, редко прерываются выводами или обобщениями ученого. Автор явно не торопился навязать читателю свои представления по излагавшейся проблеме исследования – он лишь заботился о непредвзятой подаче факта, зачастую оставляя в тени собственное мнение о нем и предоставляя адресату возможность строить собственные умозаключения.

Сегодня, когда интерпретация сведений источника нередко ассоциируется с научной новизной или новым подходом к раскрытию смысла нарратива, такое нейтральное, «безликое» и неприметное, как у Ф. И. Буслаева, участие исследователя в производстве нового знания выглядит явно недостаточным, поэтому мы взяли на себя смелость всю не выраженную явно, но все же предметно отобранную, систематизированную, логично организованную информацию, содержащуюся в публикациях ученого о картине мира носителей архаического сознания, обобщить и включить в ту систему координат, которая принята в современных культурно-антропологических работах.

Было бы нелепо сегодня обвинять Ф. И. Буслаева в том, что ему не были знакомы принятые в гуманитарных науках наших дней процедуры семиотического анализа мифотворчества, которые позволяют систематизировать, концептуализировать и моделировать сведения, полученные при «раскодировании» текстов различных культурных систем древности и их географических ареалов. Однако эта очень сложная и трудоемкая работа была бы немислимой без этапа собирательства и накопления информации о мироощущениях «доиндустриальных» народов, а у его истоков находились специалисты в области палеолингвистики и сравнительно-исторических исследований духовного склада первобытных народов, к которым принадлежал Ф. И. Буслаев.

При всей непоследовательности в XIX в. процесса реконструкции древнейшего и древнего комплекса представлений, моделировавших мир, упущениях и неточностях, выявленных современными филологами и культурантропологами в пер-

вых опытах репрезентации ментальных образов народов земли в доисторическую и раннецивилизационную эпохи, не подлежит сомнению, что Ф. И. Буслаев и его ученики (А. Н. Веселовский и А. А. Потебня), а также «классики» славистических работ второй половины XIX в. (А. Н. Афанасьев, Н. И. Костомаров) собрали колоссальный материал о мифопоэтическом понимании мира ранних народов земли, без которого современные исследования о знаково-символических интерпретациях «языка» мифологического сознания были бы невозможны [20, с. 6; 65, прим. 2].

Библиографический список

1. Бонгард-Левин, Г. М., Грантовский Э. А. Древние арии: мифы и история. От Скифии до Индии [Текст] / Г. М. Бонгард-Левин, Э. А. Грантовский. – СПб. : Алетей, 2014. – 224 с.
2. Буслаев, Ф. И. Бытовые слои русского эпоса [Текст] / Ф. И. Буслаев // Буслаев Ф. И. Народная поэзия. Исторические очерки. – СПб. : Тип. Императорской Академии наук, 1887. – С. 245-284.
3. Буслаев, Ф. И. Древнейшие эпические предания славянских племен [Текст] / Ф. И. Буслаев // Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства : в 2 т. – Т. 1. Русская народная поэзия. – СПб. : В тип. тов-ва «Общественная польза», 1861. – С. 355-376.
4. Буслаев, Ф. И. «Индо-германы, или сайване» А. Ф. Вельтмана [Текст] / Ф. И. Буслаев // Буслаев Ф. И. Догадки и мечтания о первобытном человечестве / сост., подг. текста, статья к коммент. А. Л. Топоркова. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. – С. 546-559.
5. Буслаев, Ф. И. Испанский народный эпос о Сиде [Текст] / Ф. И. Буслаев // Буслаев Ф. И. Народная поэзия. Исторические очерки. – СПб. : Тип. Императорской Академии наук, 1887. – С. 321-433.
6. Буслаев, Ф. И. Лекции Ф. И. Буслаева Е. И. В. наследнику Цесаревичу Николаю Александровичу (1859-1860 г.) [Текст] / Ф. И. Буслаев // Старина и Новизна: исторический сборник, издаваемый при обществе ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III. – М. : Синодальная типография, 1904. – Кн. 8. – С. 97-375.
7. Буслаев, Ф. И. О средстве одного русского заклания с немецким, относящимся к эпохе языческой [Текст] / Ф. И. Буслаев // Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства : в 2 т. – Т. 1. Русская народная поэзия. – СПб. : В тип. тов-ва «Общественная польза», 1861. – С. 250-256.
8. Буслаев, Ф. И. Письмо к автору «Истории России» [Текст] / Ф. И. Буслаев // Буслаев Ф. И. Догадки и мечтания о первобытном человечестве / сост., подг. текста, статья к коммент. А. Л. Топоркова. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. – С. 439-469.
9. Буслаев, Ф. И. «Русские сказки» А. Афанасьева [Текст] / Ф. И. Буслаев // Буслаев Ф. И. Догадки и мечтания о первобытном человечестве / сост., подг. текста, статья к коммент. А. Л. Топоркова. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. – С. 538-545.
10. Буслаев, Ф. И. Русский богатырский эпос [Текст] / Ф. И. Буслаев // Буслаев Ф. И. Народная поэзия. Исторические очерки. – СПб. : Тип. Императорской Академии наук, 1887. – С. 1-215.
11. Буслаев, Ф. И. Русский народный эпос [Текст] / Ф. И. Буслаев // Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства : в 2 т. – Т. 1. Русская народная поэзия. – СПб. : В тип. тов-ва «Общественная польза», 1861. – С. 401-454.
12. Буслаев, Ф. И. Славянские сказки [Текст] / Ф. И. Буслаев // Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства : в 2 т. – Т. 1. Русская народная поэзия. – СПб. : В тип. тов-ва «Общественная польза», 1861. – С. 308-354.
13. Буслаев, Ф. И. Следы славянских эпических преданий в немецкой мифологии [Текст] / Ф. И. Буслаев // Буслаев Ф. И. Народная поэзия. Исторические очерки. – СПб. : Тип. Императорской Академии наук, 1887. – С. 216-244.
14. Буслаев, Ф. И. «Сравнение русских слов с санскритскими» А. С. Хомякова [Текст] / Ф. И. Буслаев // Буслаев Ф. И. Догадки и мечтания о первобытном человечестве / сост., подг. текста, статья к коммент. А. Л. Топоркова. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. – С. 516-537.
15. Вигасин, А. А. История Древнего Востока: учеб. пособие для ст-в вузов, обучающихся по спец. «Востоковедение», «Африканистика» [Текст] / А. А. Вигасин. – 2-е изд., испр. – М. : Дрофа, 2007. – 224 с.
16. Водовозов, В. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Сочинение Ф. Буслаева. Том 1. Русская народная поэзия [Текст] / В. Водовозов // Журнал Министерства народного просвещения. – СПб., 1861. – Ч. СХ. – С. 59-82.
17. Гуревич, А. Я. Вопросы культуры в изучении исторической поэтики [Текст] / А. Я. Гуревич // Историческая поэтика. Итоги и перспективы изучения. – М. : Наука, 1986. – С. 153-167.
18. Гуревич, А. Я. Категории средневековой культуры [Текст] / А. Я. Гуревич. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Искусство, 1984. – 350 с.
19. Гуревич, А. Я. «Эдда» и сага [Текст] / А. Я. Гуревич ; отв. ред. Е. М. Мелетинский. – М. : Наука, 1979. – 192 с.
20. Иванов, Вяч. Вс., Топоров, В. Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы (Древний период) [Текст] / Вяч. Вс. Иванов, В. Н. Топоров ; отв. ред. И. И. Ревзин. – М. : Наука, 1965. – 246 с.
21. Кирпичников, А. Народная поэзия. Исторические очерки. Ординарного академика Ф. И. Буслаева. СПб., 1887 [Текст] / А. Кирпичников // ЖМНП. – СПб., 1887. – Ч. ССLI. – Июнь. – С. 401-407.

22. Мелетинский, Е. М. «Эда» и ранние формы эпоса [Текст] / Е. М. Мелетинский; отв. ред. Г. В. Шатков. – М.: Наука, 1968. – 365 с.

23. Мифы народов мира: энциклопедия [Текст] / гл. ред. С. А. Токарев: в 2 т. – 2-е изд. – М.: НИ «Большая Российская энциклопедия», 1998. – Т. 1. – 672 с.

24. Новиков, М. В., Перфилова, Т. Б. Генезис мифа в аспекте языкового мировидения: научное мнение Ф. И. Буслаева [Текст] / М. В. Новиков, Т. Б. Перфилова // Верхневолжский филологический вестник. – 2018 – № 2. – С. 199-205.

25. Подосинов, А. В. Ех oriente lux! Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии [Текст] / А. В. Подосинов. – М.: Языки славянской культуры, 1999. – 720 с.

26. Соколов, Ю. М. Русский фольклор [Текст] / Ю. М. Соколов. – М.: Гос. учебно-педагогич. изд-во Наркомпроса РСФСР, 1941. – 559 с.

27. Сперанский, М. Русская устная словесность. Введение в историю русской словесности. Устная поэзия повествовательного характера [Текст]: пособие к лекциям на высших женских курсах в Москве / М. Сперанский. – М.: Склад в книжном магазине А. В. Михайлова, 1917. – 474 с.

28. Трубочев, О. Н. Этногенез и культура древнейших славян: Лингвистические исследования [Текст] / О. Н. Трубочев; отв. ред. Н. И. Толстой. – М.: Наука, 2002. – 489 с.

Reference List

1. Bongard-Levin, G. M., Grantovskij Je. A. Drevnie arii: mify i istorija. Ot Skifii do Indii = Ancient arias: myths and history. From Scythia to India [Текст] / G. M. Bongard-Levin, Je. A. Grantovskij. – SPb.: Aletejja, 2014. – 224 с.

2. Buslaev, F. I. Bytovye sloi russkogo jeposa = Household layers of the Russian epos [Текст] / F. I. Buslaev // Buslaev F. I. Narodnaja poezija. Istoricheskie ocherki = National poetry. Historical essays. – SPb.: Tip. Imperatorskoj Akademii nauk, 1887. – S. 245-284.

3. Buslaev, F. I. Drevnejšie jepicheskie predanija slavjanskix plemen = The most ancient epic legends of Slavic tribes [Текст] / F. I. Buslaev // Buslaev F. I. Istoricheskie ocherki russkoj narodnoj slovesnosti i iskusstva: v 2 t. – T. 1. Historical essays of the Russian national literature and art: in 2 v. – V. 1. Russkaja narodnaja poezija. – SPb.: V tip. tov-va «Obshhestvennaja pol'za», 1861. – S. 355-376.

4. Buslaev, F. I. «Indo-germany, ili sajvane» A. F. Vel'tmana «Indo-Germans, or saivens» of A. F. Veltman [Текст] / F. I. Buslaev // Buslaev F. I. Dogadki i mechtanija o pervobytnom chelovechestve / sost., podg. teksta, stat'ja k komment. A. L. Toporkova. Guesses and dreams about primitive mankind / author of the text, article to comments by A. L. Toporkov – M.: Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija (ROSSPJeN), 2006. – S. 546-559.

5. Buslaev, F. I. Ispanskij narodnyj jepos o Side = The Spanish national epos about Cid [Текст] / F. I. Buslaev // Buslaev F. I. Narodnaja poezija. Istoricheskie ocherki. National poetry. Historical essays – SPb.: Tip. Imperatorskoj Akademii nauk, 1887. – S. 321-433.

6. Buslaev, F. I. Lekcii F. I. Buslaeva E. I. V. nasledniku Cesarevichu Nikolaju Aleksandroviču (1859-1860 g.) F. I. Buslaev E. I. Lectures. E. I. V. to the successor to Crown Prince Nikolay Aleksandrovich (1859-1860) [Текст] / F. I. Buslaev // Starina i Novizna: istoricheskij sbornik, izdavaemyj pri obshhestve revnitelej russkogo istoricheskogo prosveshhenija v pamjat' imperatora Aleksandra = III. Old times and Novelty: the historical collection published at society of adherents of the Russian historical education in memory of the Emperor Alexander III. – M.: Sinodal'naja tipografija, 1904. – Kn. 8. – S. 97-375.

7. Buslaev, F. I. O sredstve odnogo russkogo zakljatija s nemeckim, odnosjashhimsja k jepohe jazycheskoj. About means of one Russian paternoster with the German one referring to the pagan era [Текст] / F. I. Buslaev // Buslaev F. I. Istoricheskie ocherki russkoj narodnoj slovesnosti i iskusstva: v 2 t. – T. 1. Russkaja narodnaja poezija = Historical essays of the Russian national literature and art: in 2 v. – V. 1. Russian national poetry. – SPb.: V tip. tov-va «Obshhestvennaja pol'za», 1861. – S. 250-256.

8. Buslaev, F. I. Pis'mo k avtoru «Istorii Rossii» = The letter to the author of «History of Russia» [Текст] / F. I. Buslaev // Buslaev F. I. Dogadki i mechtanija o pervobytnom chelovechestve / sost., podg. teksta, stat'ja k komment. A. L. Toporkova. Guesses and dreams about primitive mankind / author of the text, article to comments by A. L. Toporkov – M.: Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija (ROSSPJeN), 2006. – S. 439-469.

9. Buslaev, F. I. «Russkie skazki» A. Afanas'eva «Russian fairy tales» by A. Afanasiev [Текст] / F. I. Buslaev // Buslaev F. I. Dogadki i mechtanija o pervobytnom chelovechestve / sost., podg. teksta, stat'ja k komment. A. L. Toporkova = Guesses and dreams about primitive mankind / author of the text, article to comments by A. L. Toporkov. – M.: Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija (ROSSPJeN), 2006. – S. 546-559. – M.: Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija (ROSSPJeN), 2006. – S. 538-545.

10. Buslaev, F. I. Russkij bogatyrskij jepos = Russian folk epic [Текст] / F. I. Buslaev // Buslaev F. I. Narodnaja poezija. Istoricheskie ocherki = National poetry. Historical essays – SPb.: Tip. Imperatorskoj Akademii nauk, 1887. – S. 1-215.

11. Buslaev, F. I. Russkij narodnyj jepos = Russian national epos [Текст] / F. I. Buslaev // Buslaev F. I. Istoricheskie ocherki russkoj narodnoj slovesnosti i iskusstva: v 2 t. – T. 1. Russkaja narodnaja poezija = Historical essays of the Russian national literature and art: in 2 v. – V. 1. Russian national poetry – SPb.: V tip. tov-va «Obshhestvennaja pol'za», 1861. – S. 401-454.

12. Buslaev, F. I. Slavjanskije skazki = Slavic fairy tales [Текст] / F. I. Buslaev // Buslaev F. I. Istoricheskie ocherki russkoj narodnoj slovesnosti i iskusstva: v 2 t. – T. 1. Russkaja narodnaja poezija. Historical essays of the

Russian national literature and art: in 2 v. – V. 1. Russian national poetry – SPb. : V tip. tov-va «Obshhestvennaja pol'za», 1861. – S. 308-354.

13. Buslaev, F. I. Sledy slavjanskih jepicheskih predanij v nemeckoj mifologii = Traces of Slavic epic legends in the German mythology [Tekst] / F. I. Buslaev // Buslaev F. I. Narodnaja poezija. Istoricheskie ocherki. National poetry. Historical essays – SPb. : Tip. Imperatorskoj Akademii nauk, 1887. – S. 216-244.

14. Buslaev, F. I. «Sravnenie russkih slov s sanskritskimi» A. S. Homjakova «Comparison of the Russian words with Sanskrit» by A. S. Khomyakov [Tekst] / F. I. Buslaev // Buslaev F. I. Dogadki i mechtanija o pervobytnom chelovechestve / sost., podg. teksta, stat'ja k komment. A. L. Toporkova. Guesses and dreams about primitive mankind / author of the text, article to comments by A. L. Toporkov – M. : Rossijskaja političeskaja jenciklopedija (ROSSPJeN), 2006. – S. 516-537.

15. Vigasin, A. A. Istorija Drevnego Vostoka: ucheb. posobie dlja st-v vuzov, obučajushhija po spec. «Vostokovedenie», «Afrikanistika» = History of the Ancient East: book for students of higher education institutions studying on the speciality. «Oriental studies», «African Studies» [Tekst] / A. A. Vigasin. – 2-e izd., ispr. – M. : Drofa, 2007. – 224 s.

16. Vodovozov, V. Istoricheskie ocherki russkoj narodnoj slovesnosti i iskusstva. Sočinenie F. Buslaeva. Tom 1. Russkaja narodnaja poezija = Historical essays of the Russian national literature and art. F. Buslaev's composition. Volume 1. Russian national poetry [Tekst] / V. Vodovozov // Zhurnal Ministerstva narodnogo proshhhenija. – SPb., 1861. – Ch. CX. – S. 59-82.

17. Gurevich, A. Ja. Voprosy kul'tury v izučenii istoričeskoj pojetiki = Questions of culture in studying of historical poetics [Tekst] / A. Ja. Gurevich // Istoričeskaja pojetika. Itogi i perspektivy izučenija = Historical poetics. Results and prospects of studying – M. : Nauka, 1986. – S. 153-167.

18. Gurevich, A. Ja. Kategorii srednevekovoj kul'tury = Categories of medieval culture [Tekst] / A. Ja. Gurevich. – 2-e izd., ispr. i dop. – M. : Iskusstvo, 1984. – 350 s.

19. Gurevich, A. Ja. «Jedda» i saga «Edda» and saga [Tekst] / A. Ja. Gurevich ; otv. red. E. M. Meletinskij. – M. : Nauka, 1979. – 192 s.

20. Ivanov, Vjach. Vs., Toporov, V. N. Slavjanskije jazykovye modelirujušhie semiotičeskie sistemy

(Drevnij period) = The Slavic language modeling semiotics systems (The ancient period) [Tekst] / Vjach. Vs. Ivanov, V. N. Toporov ; otv. red. I. I. Revzin. – M. : Nauka, 1965. – 246 s.

21. Kirpichnikov, A. Narodnaja poezija. Istoricheskie ocherki. Ordinarnogo akademika F. I. Buslaeva = National poetry. Historical essays. Ordinary academician F. I. Buslaev. SPb., 1887 [Tekst] / A. Kirpichnikov // ZhMNP. – SPb., 1887. – Ch. CCLI. – Ijun'. – S. 401-407.

22. Meletinskij, E. M. «Jedda» i rannije formy jeposa»Edda» and early forms of the epos [Tekst] / E. M. Meletinskij ; otv. red. G. V. Shatkov. – M. : Nauka, 1968. – 365 s.

23. Mify narodov mira: jenciklopedija = Myths of people of the world: encyclopedia [Tekst] / gl. red. S. A. Tokarev : v 2 t. – 2-e izd. – M. : NI «Bol'shaja Rossijskaja jenciklopedija», 1998. – T. 1. – 672 s.

24. Novikov, M. V., Perfilova, T. B. Genezis mifa v aspekte jazykovogo mirovidenija: nauchnoe mnenie F. I. Buslaeva = Genesis of the myth in aspect of a language worldview: F. I. Buslaev's scientific opinion [Tekst] / M. V. Novikov, T. B. Perfilova // Verhnevolzhskij filologičeskij vestnik = Verkhnevolzhsky philological bulletin. – 2018 – № 2. – S. 199-205.

25. Podosinov, A. V. Ex oriente lux! Orientacija po stranam sveta v arhaičeskij kul'turah Evrazii = Ex oriente lux! Orientation over the countries of the world in archaic cultures of Eurasia [Tekst] / A. V. Podosinov. – M. : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 1999. – 720 s.

26. Sokolov, Ju. M. Russkij fol'klor = Russian folklore [Tekst] / Ju. M. Sokolov. – M. : Gos. uchebno-pedagogič. izd-vo Narkomprosa RSFSR, 1941. – 559 s.

27. Speranskij, M. Russkaja ustnaja slovesnost'. Vvedenie v istoriju russkoj slovesnosti. Ustnaja poezija povestvovatel'nogo haraktera = Russian oral literature. Introduction to history of the Russian literature. Oral poetry of narrative character [Tekst] : posobie k lekcijam na vysshij zhen'skij kursah v Moskve / M. Speranskij. – M. : Sklad v knižnom magazine A. V. Mihajlova, 1917. – 474 s.

28. Trubachev, O. N. Jetnogenez i kul'tura drevnejših slavjan: Lingvističeskie issledovanija = Ethnogenesis and culture of the most ancient Slavs: Linguistic researches [Tekst] / O. N. Trubachev ; otv. red. N. I. Tolstoj. – M. : Nauka, 2002. – 489 s.